

А.В. Канаев

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛОГИЧЕСКОЕ В ТЕОРИИ КРЕДИТА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСХОДНОГО ПОНЯТИЯ

Изучать в научном смысле значит не просто добросовестно изображать или описывать, но и узнавать отношение изучаемого к тому, что известно; измерять все, что подлежит измерению; определять место изучаемого в системе известного, пользуясь как качественными, так и количественными сведениями; находить закон; составлять гипотезы о причинной связи между изучаемым; проверять гипотезы опытом и составлять теорию изучаемого.

Д. И. Менделеев. «Основы химии»

Не было замечено, что понятие рассрочки не только столь же древнее, но и столь же простое или, если угодно, столь же сложное, как понятие наличности.

Марсель Мосс. «Очерк о даре»

Активное расширение сферы кредитных отношений в России, их последовательное проникновение во все секторы экономики и потребительскую сферу знаменует собой ускоренное развитие (восстановление) современной кредитно-финансовой системы и переход к новому этапу рыночной трансформации в стране. Результатом эволюции кредитных отношений стало значительное увеличение числа участников кредитных рынков, разнообразие кредитных инструментов и масштабов их обращения, активизация процес-

---

Александр Владимирович КАНАЕВ — канд. экон. наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента экономического факультета СПбГУ. В 1978 г. окончил экономический факультет ЛГУ по специальности «экономическая кибернетика». В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1978–1991 гг. работал в различных научно-исследовательских и высших учебных заведениях Ленинграда. С 1992 по 1993 г. — заведующий кафедрой Международного банковского института (МБИ). В 1993–2001 гг. работал в ряде коммерческих банков Санкт-Петербурга. Прошел стажировку в иностранных банках в Венгрии, Великобритании и Германии. С 2001 г. работает в СПбГУ. Основные направления научных интересов — теория кредита, денежно-кредитная политика, банковское дело в России и за рубежом, управление коммерческими банками. Автор 18 публикаций. Соавтор вузовского учебника «Деньги. Кредит. Банки» (2002) и научной монографии «Кредит» (2005).

© А.В. Канаев, 2006

сов секьюритизации активов, а также возросшая интеграция всех секторов финансового рынка под воздействием финансовых инноваций. В связи с этим изучение кредита и кредитных отношений становится предметом внимания многих отечественных экономистов-исследователей и специалистов в сфере финансов. При этом помимо чисто практических аспектов развития кредита все более актуальным становится его теоретическое исследование. Такой теоретический интерес вызван, прежде всего, теоретико-познавательными причинами, которые, в свою очередь, обусловлены тремя взаимосвязанными моментами. Во-первых, последние два десятилетия XX в. отмечены значительным расширением кредитно-финансовых систем в развитых странах и их воссозданием в странах с переходной экономикой. В целом объект исследования — кредитно-финансовая система и система кредитных отношений достигли достаточно развитого состояния, так что появилась возможность проследить характер и темпы их дальнейшего развития.

Во-вторых, экономическая наука накопила огромный эмпирический материал и достаточные знания для того, чтобы привести их в систему соответственно логике развития самого объекта и тем самым для перехода к более глубокому осмыслению природы кредита и его роли в экономике. К настоящему моменту теоретические аспекты кредита активно изучаются в рамках различных специальных экономических научных дисциплин: финансовой теории; теории финансового менеджмента; теории инвестиций; теории банков (банковском деле); теории ценных бумаг; макроэкономической теории. Большой пласт концепций кредита представлен в истории экономических учений, в рамках которой подробно рассматриваются взгляды на природу кредита крупнейших ученых прошлого и современности.

В настоящее время теоретические результаты исследования кредита достаточно полно представлены в содержании научной и учебной дисциплины «Деньги, кредит, банки». Последняя представляет собой определенную концептуальную систему, объединенную единым основанием — изучением функционирования и развития денег и кредита как важнейших экономических феноменов, в их взаимосвязи и многообразии форм проявления. Однако многочисленные публикации содержат большое разнообразие взглядов на природу и функции кредита, характер его взаимодействия с другими экономическими явлениями, а также методологических подходов к определению содержания основных понятий и порядка изложения предмета. Отсутствует единство взглядов даже по такому фундаментальному вопросу, как содержание понятия «кредит». Очевидно, что такой теоретический «плюрализм» не может способствовать активизации исследовательской деятельности в области теории кредита.

В-третьих, создание целостной концептуальной системы призвано решить многие актуальные теоретические задачи. Действительно, на сегодняшний день в научной литературе нашли отражение многие аспекты теории кредита. Однако многие важные проблемы изучены недостаточно и продолжают оставаться предметом дискуссий. Сказанное, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствует о том, что в экономической науке назрела объективная необходимость в переходе от фрагментарного к более адекватному и целостному отображению кредита как важнейшего экономического явления. Это должно позволить ученым упорядочить и систематизировать многочисленные эмпирические исследования и теоретические концепции, а также обобщить накопленный в этой области практический опыт.

Нужно отметить, что в настоящее время делаются, увы, немногочисленные, попытки создания современной теории кредита как специальной экономической теории, призванной играть роль интегрирующей и методологической основы для существенного расши-

рения теоретических исследований кредита и кредитных отношений. Ее авторы исходят из философского и общенаучного понимания того, что построение теорий имеет решающее значение для научного знания. Слова великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева, приведенные в качестве эпиграфа к данной статье, как нельзя лучше характеризуют эту исследовательскую установку.

В свою очередь, успешность попыток создания теории кредита во многом определяется избранными методологическими подходами к формированию концептуальной системы кредита, созданию ее теоретической конструкции. Данная статья посвящена использованию исторического и логического подходов в рамках восхождения от абстрактного к конкретному при определении исходного понятия (категории) как начального пункта процесса категориального синтеза в теории кредита.

Логика формирования научной теории

В настоящее время термин «теория» активно используется практически во всех отраслях научного знания, но при этом в различных смысловых контекстах ему даются разные определения. Не вдаваясь в теоретическую полемику относительно содержания этого понятия, выделим основные характеристики научной теории в том виде, как они представлены в основных философских и экономических публикациях. Данные характеристики необходимо учитывать в качестве методологических требований при создании теории кредита на всех стадиях и этапах этого сложного творческого процесса.

1. *Теория* — это наиболее развитая и сложная (организованная) форма развивающегося научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности. Другие формы знания — законы и гипотезы науки, классификации, типологии, первичные объяснительные схемы и т. д. — генетически могут предшествовать собственно теории, составляя базу ее формирования. При этом они сосуществуют с теорией, взаимодействуя с ней в системе науки, и входят в теорию в качестве ее элементов.

2. Теория дает *достоверное, системное, целостное и систематически развиваемое знание* и выступает как наиболее совершенная форма научного обоснования и программирования практической деятельности в определенной области действительности. «Под управлением разума, — писал И. Кант, — наши знания вообще должны составлять не отрывки, а систему, так как только в системе они могут поддерживать существенные цели разума и содействовать им. Под системой же я разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей».¹

3. *Идеализированный объект как основа теории.* Методологически центральную роль в построении теории играет лежащий в ее основе идеализированный (абстрактный) объект, или «теоретический конструкт». Идеализированный объект представляет собой результат мысленной идеализации и конструирования, когда ученый абстрагируется от существенных (в том или ином отношении) связей и признаков предмета и строит идеальный объект, который выступает носителем только сущностных связей предмета и является его логической (мысленной) реконструкцией. Ни одна теория не строится без применения идеализированных объектов. Например, в ньютоновской механике ее основные законы формулируются относительно системы абстрактных объектов: «материальная точка», «сила», «инерциальная пространственно-временная система отсчета». Связи и отношения перечисленных объектов образуют теоретическую модель механического движения. Примером биологического абстрактного объекта может служить «идеализирован-

ная популяция», по отношению к которой формулируется закон Харди–Вайнберга, — бесконечная популяция, где все особи скрещиваются равновероятно.²

Построение идеализированного объекта является необходимым этапом создания любой теории, осуществляемым в специфических для разных областей знания формах. «Многообразие форм идеализации, — отмечал В. С. Швырев, — и соответственно типов идеализированных объектов соответствует и многообразию видов теорий. В теории описательного типа, решающей главным образом задачи описания и упорядочения обычно весьма обширного эмпирического материала, построение идеализированного объекта фактически сводится к вычленению исходной схемы понятий».³

Так, центральным понятием социологии Вебера является «идеальный тип».⁴ Идеальный тип — это теоретическая конструкция, обобщающая многообразие фактов и обозначающая различные социальные образования и процессы. Он отражает социальную действительность и является ее идеализацией, идеальной реконструкцией. Примерами такого рода идеальных типов являются: «производство», «потребление», «капитализм», «религия», «социализм», «средний класс» и тому подобные понятия. В теории К. Маркса к идеализированным объектам следует отнести идеальный товар в единстве его свойств и противоречий как носитель стоимости и саму стоимость.

4. *Логика и методы построения и развития теории.* Говоря о методах построения теории, нужно помнить, что само такое построение является результатом и одновременно средством теоретического исследования как постоянно возобновляемой и расширяемой деятельности по производству научных знаний. Поэтому методы построения теории входят в состав методов теоретического исследования. «Что же касается теоретического исследования, — пишет В. С. Степин, — то здесь применяются особые методы: идеализация (метод построения идеализированного объекта); мысленный эксперимент с идеализированными объектами, который как бы замещает реальный эксперимент с реальными объектами; особые методы построения теории (восхождение от абстрактного к конкретному, аксиоматический и гипотетико-дедуктивный методы); методы логического и исторического исследования и др.».⁵

Процесс восхождения от абстрактного к конкретному выражает логику теоретического исследования и построения теории, он воспроизводит объект реальности как сложное, целостное образование во всех его существенных, закономерных связях и отношениях и тем самым определяет последовательность развертывания теории. Такое развертывание осуществляется двумя взаимосвязанными путями. Во-первых, оно означает, по сути, развертывание содержания теории, которое изначально «сконцентрировано», представлено идеализированными объектами. Этот процесс предполагает реализацию эвристического потенциала, заложенного в структуре этих объектов. «Идеализированный объект теории, — пишет В.С. Швырев, — может выступать в разных формах, предполагать или не предполагать математического описания, содержать или не содержать того или иного момента наглядности, но при всех условиях он должен выступать как конструктивное средство развертывания всей системы теории. Этот объект, таким образом, выступает не только как теоретическая модель реальности, он вместе с тем неявно содержит в себе определенную программу исследования, которая реализуется в построении теории».⁶

Во-вторых, развертывание теории означает расположение, установление в определенном порядке всех ее составных элементов. При этом логика построения теории как внутренне дифференцированной, но целостной концептуальной системы означает обогащение знания об объекте, его последовательную конкретизацию. «Конкретное знание о предмете, — пишет Г. А. Подкорытов, — выражается системой целого ряда понятий, законов,

умозаключений, определенным образом субординированных в научной теории об исследуемом предмете... Систематичность познания, представление отдельных знаний в их субординации, в подчинении единой идее — таковы существенные признаки формы конкретного знания». ⁷ Применительно к экономической теории это движение связано с «объединением, или синтезом, отдельных абстракций, понятий, категорий и суждений в единую систему теоретического экономического знания. Именно в результате этого достигается воспроизведение конкретного, целостного знания в единой системе абстрактных экономических теорий». ⁸

Таким образом, конкретизация знания в процессе восхождения от абстрактного к конкретному означает расширение и обогащение исходного содержания теории. Этот процесс не является формально-дедуктивным, чисто логическим процессом построения теории. Развертывание теории — это сложный, аналитико-синтетический процесс, который обязательно включает два момента: а) сохранение исходной основы и установление генетической связи между новыми понятиями, теоретическими моделями и положениями; б) охват и активную переработку в рамках и на основе исходных положений теории многообразия исторического и эмпирического материала в собственное содержание теории — конкретизацию и обогащение ее понятийной системы. Необходимость дополнения логического анализа историческим диктуется потребностями концептуального развертывания посредством восхождения от абстрактного к конкретному теорий, отражающих и воспроизводящих в понятиях сложные целостные, способные к саморазвитию системы. Это напрямую касается экономической теории, которая изучает экономику как динамически развивающуюся сферу жизни общества. Здесь логическое движение отражает — самой последовательностью своих шагов — реальную историческую последовательность тех фаз, которые проходит во времени изучаемый объект. Поэтому в конечном итоге логическое предстает как понятие, выраженное в понятиях историческое. Как справедливо заметил известный российский философ Э. В. Ильенков: «Главное, стало быть, в том, чтобы *логическое* — систематически-теоретическое — понимание сути дела было уже само по себе (“в себе и для себя”) *исторически конкретным*, т. е. выражало бы уже в своих определениях исторические границы существования отражаемого им предмета». ⁹ Таким образом, построение исходной концептуальной базы теории кредита предполагает использование одновременно логического и исторического подходов к анализу генезиса и сущности кредита и кредитных отношений, т. е. «непосредственное эмпирико-историческое исследование, опирающееся на “логические” соображения». ¹⁰

Построение исходной концептуальной базы теории кредита

Ее создание связано с определением исходной простейшей экономической модели, которая описывает связи и отношения образующих ее абстрактных (идеализированных) объектов и фиксируется исходной системой понятий. Такая исходная логическая модель получила в экономической литературе название элементарной «клеточки», а фиксирующее ее сущность понятие — исходного понятия. Последнее образует исходную абстракцию процесса восхождения от абстрактного к конкретному. Для того чтобы данная абстракция имела характер действительного исходного пункта теории, ее начала, она должна удовлетворять определенным методологическим требованиям, среди которых следует указать следующие.

1. Исходная абстракция является простейшим выражением свойств и характеристик объекта, его простейшей формой, которую нельзя разложить на более простые целые составляющие, подобно тому, как клетка является простейшим элементом организма.

2. Исходная абстракция фиксирует определенную модель кредита и в этом качестве является простейшим выражением развитого целого, т. е. односторонним и поэтому абстрактным объектом. В то же время, будучи определенной конкретностью, она обладает интегративным свойством целого. Тем самым исходная абстракция должна быть «конкретной» абстрактностью, что и позволяет начать с нее процесс конкретизации для развертывания теоретической системы.

3. Исходная абстракция отражает существенные свойства объекта, и поэтому ее «абстрактность» должна быть абстрактностью особого рода — заключать в себе как бы в «зародыше», в скрытом, свернутом виде возможность перехода к новым определениям и характеристикам объекта как конкретного целого.

4. Исходная абстракция, фиксирующая простейшую модель кредита, представляет собой минимальное структурное образование, отражающее различие субъектной и объектной сторон простейшего кредитного отношения. «Клеточка» элементарна именно как структурно простейшее образование. Такая модель служит основой для движения теории к полномасштабной структурно-функциональной и динамической модели объекта как развитого целого.

5. Исходная абстракция характеризует простейшую форму кредита как самостоятельное экономическое явление, которое может существовать автономно, само по себе, как это делают живые клетки, образующие одноклеточные организмы. Поэтому исходная абстракция может существовать до возникновения целостного объекта и в процессе его исторического становления и развития (или даже при его разрушении). Тем самым исходная абстракция воссоздает исторически первое отношение, а теоретическое начало выступает как исторически первое в развитии объекта.

Приведенным методологическим требованиям, на наш взгляд, соответствует простейшая логическая модель разновременного обмена, фиксируемая исходной системой понятий, включающей понятия «ценность», «товар», «формы обмена», «эквивалент», «деньги» и исходную категорию — «кредитный обмен». Выбор такой модели может показаться чисто произвольным или индуктивным действием, однако это совершенно не так. Модель обмена выбрана нами как итог большой аналитической работы и критического анализа значительного теоретического материала. Такой выбор, очевидно, **подлежит обоснованию**, которое также предполагает использование как логического (теоретического), так и исторического подходов. Последний связан с исследованием процесса зарождения кредитного обмена и определением его экономической роли.

Исторический подход к анализу кредитного обмена

Исторически первой формой обмена был обмен подарками, или дарообмен, суть которого состояла в создании новых и поддержании существующих социальных связей между общинами и индивидами. Ценность дара заключалась не столько в самой вещи, сколько в связи, которая устанавливалась между дарителем и одариваемым. Дарообмен имел не разовый, а регулярный характер. Поэтому отдаривание не должно было следовать немедленно за получением дара, поскольку это могло быть расценено как стремление быстрее оборвать связь и как следствие вызвать вражду между общинами. Принятие дара накладывало на получателя обязательство ответного дара, форму и размеры которого определял сам получатель. Однако свобода отдара была ограничена определенными рамками — в дарообмене действовали принципы обязательности, взаимности и эквивалентности. Последний реализовался чаще всего лишь в общем и целом и на протяжении длительного времени.

Более развитой формой обмена, которая часто возникает на основе дарообмена в рамках установившихся социальных связей, является товарообмен, или обмен товаров. Он также может возникать самостоятельно при межплеменных и индивидуальных обменных операциях в рамках непартнерских социально-экономических отношений между различными племенами. Если при дарообмене и особенно при взаимопомощи (обмене помощью) возможно встречное движение одних и тех же или подобных вещей, то при товарообмене всегда противостоят друг другу разные материальные ценности.

Важный вклад в изучение исторически первых форм обмена в форме дарообмена и простейшей торговли (товарообмена) внесли антропологи и этнографы. Пионером в изучении данной темы стал известный британский этнограф и социолог, один из основателей и лидеров функциональной школы в социальной антропологии Бронислав Малиновский (1884–1942). Он определил дарообмен как универсальную черту всех первобытных обществ. В качестве примера в своей работе «Аргонавты западной части Тихого океана» (1922) Малиновский привел классификацию семи форм обмена, используемых жителями Тробрианских островов, в основу которой был положен принцип эквивалентности.¹¹

1. Дары в чистом виде (*pure gifts*). Такой дар — это бескорыстный подарок без ожидания ответного дара. Например, подарки мужа жене и детям, являющимися членами другого рода.

2. Установленные обычаем платежи, совершаемые нерегулярно и без соблюдения строгой эквивалентности (*customary payments, repaid irregularly, and without strict equivalence*). Например, ежегодные дары (выплаты), получаемые мужчиной в период уборки урожая от братьев жены. Компенсация за такие дары никогда не бывала полной — предполагались лишь небольшие ответные дары.

3. Плата за оказанные услуги (*payment for services rendered*). Например, услуги специалиста (огородного колдуна) общине и отдельным людям, за которые он получает определенные дары. Эквивалентность в таких сделках установить было трудно в силу специфики услуг, имеющих сугубо условную ценность.

4. Дары, возвращаемые в экономически эквивалентной форме (*gifts returned in economically equivalent form*). Здесь предполагается почти строгая эквивалентность, которая достигает своего максимума, когда дарителю возвращаются в качестве ответного дара те же самые предметы. К этой категории обмена следует отнести также многочисленные подарки, которые одна община дает другой во время визитов и которые вскоре должны быть возвращены. Такие непосредственные обмены эквивалентными дарами встречались очень часто.

5. Обмен материальных благ на привилегии, титулы и нематериальную собственность (*exchange of material goods against privileges, titles, and non-material possessions*). К такому типу сделок относится плата продуктами и ценными вещами за привилегию исполнения песни или танца, которую одна деревня, являющаяся собственником этих нематериальных ценностей, передает другой. Эквивалентность в таких сделках была желательна, но трудно достижима из-за специфики приобретаемых ценностей.

6. Церемониальный товарообмен с отсроченным платежом (*ceremonial barter with deferred payment*). Такой обмен основан на постоянном партнерстве, а предметы обмена должны иметь приблизительно одинаковую стоимость. Самым ярким примером такого дарообмена служила *кула* — большой межплеменной обмен, практикуемый общинами, населяющими острова Южного моря, востока и северо-востока Новой Гвинеи, которые образуют по своему географическому положению подобие круга. По этой траектории постоянно циркулировали, причем в противоположных направлениях, два вида предме-

тов: а) по часовой стрелке перемещались ожерелья, изготовленные из красных раковин (*сулава*); б) против часовой стрелки циркулировали браслеты, изготовленные из белых раковин (*мвали*). Продвигаясь в своем направлении, один предмет встречал другой и обменивался на него. Каждое из движений предметов по кругу *кула* и все детали сделки были четко фиксированы, сделки проводились в соответствии с традиционными правилами и договоренностями. Существовала также и церемониальная форма межобщинного обмена растительной пищи на рыбу, основой которой также было постоянное торговое партнерство, связанное с обязанностью принимать и возвращать начальный дар. Эквивалентность обмена при отношениях партнерства устанавливалась как определенный итоговый баланс в результате многочисленных сделок.

7. Обычная торговля в чистом виде (*trade*). Она характеризуется отсутствием церемонии, спорами и оживленным торгом относительно эквивалентности обмениваемых товаров и происходит, главным образом, при непартнерском обмене между представителями различных удаленных друг от друга общин. Такой простой торговый обмен характерен для вспомогательной торговли обычными товарами и морской торговли, сопутствующим *кула*. Существование последней связано с возникновением простейших форм торгового посредничества. Так, гости деревни, в которой происходит встреча партнеров по *кула*, не могут непосредственно торговать друг с другом. Одна часть гостей должна обменивать свои товары с местными жителями, а те — обмениваться ими с другой частью гостей.

Анализ социологии и экономики первобытного общества, проведенный Брониславом Малиновским, стал основой для разработки детальной теории дара известным французским социологом и антропологом Марселем Моссом (1872–1950). В своей работе «Очерк о даре. Форма и основания обмена в архаичных обществах» (1925) он продолжил изучение дара как универсальной формы обмена и важнейшей черты социальной жизни первобытного общества. Дары в таких обществах, согласно Моссу, составляют систему взаимных «тотальных, совокупных поставок», непрерывно циркулирующих от клана к клану, от фратрии к фратрии, от племени к племени. Дарообмен выходит за рамки экономических отношений и охватывает все сферы общества. Его объектами становятся пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, взаимопомощь, магические услуги и даже социальные ранги — все они являются предметом передачи и возмещения.¹²

Дар, согласно концепции Мосса, непременно предполагает компенсирующий взаимный дар в той или иной форме, и, в отличие от обычной торговой сделки, оба эти акта отделены друг от друга во времени. Кроме того, будучи формально добровольными, в действительности дары являются строго обязательными, а сам дарообмен предполагает существование трех тесно связанных между собой обязанностей, которые составляют сущность обмена в форме дара: давать, получать и возмещать. Последняя обязанность, по мнению Мосса, является наиболее существенной, поскольку отсутствие возмещения или неполное возмещение ставят получившего дар в зависимое положение по отношению к подарившему. Отказ или уклонение от одной из этих обязанностей влечет за собой серьезные последствия для субъектов обмена, вплоть до объявления войны.

Особое внимание Мосс уделил рассмотрению *потлача* — обычая, широко распространенного среди индейцев тихоокеанского побережья Северной Америки и представляющего собой церемониальный праздник, сопровождающийся раздачей пищи и даров как соплеменникам, так и гостям. Любое более или менее значительное событие в жизни индейцев сопровождалось такой массовой раздачей даров и становилось поводом для настоящей борьбы между кланами, племенными группами и индивидами за первенство в

расточительстве. Акт отдаривания в *потлаче* был отнюдь не добровольным. Отказ от него приводил к утрате высокого социального положения и даже личной свободы.

Поскольку и в этом случае дарообмена между актами дарения и преподнесения ответного дара проходит определенный промежуток времени, первый исследователь *потлача*, «отец» американской антропологии Франц Боас интерпретировал его как сделку кредита. В 1898 г. он писал: «Экономическая система индейцев Британской Колумбии, как у цивилизованных народов, широко базируется на кредите... Получение в долг, с одной стороны, оплата долга — с другой, — это потлач».¹³ Подобную кредитную интерпретацию дарообмена можно встретить в работах многих этнографов и антропологов. Мосс же напрямую связал возникновение кредита с дарообменом. Он писал: «Однако дар с необходимостью порождает понятие кредита. Эволюция не вызвала перехода права от экономики непосредственного обмена к торговле, а в торговле — от оплаты наличными к рассрочке. Именно из системы подарков, даваемых и получаемых взамен через какой-то срок, выросли, с одной стороны, непосредственный обмен (через упрощение, сближение ранее разделенных сроков), а с другой стороны, покупка и продажа (последняя — в рассрочку и за наличные), а также заем. Ибо нет никаких доказательств того, чтобы хотя бы одна правовая система, предшествующая описываемой нами фазе (в частности, вавилонское право), не знала кредита, известного во всех архаических обществах, существующих вокруг нас».¹⁴

Этот вывод имеет принципиальное значение, поскольку показывает естественный путь возникновения кредита в ходе развития дарообмена как одновременного встречного движения ценностей. По мере этого развития практически одновременно появляются кредитный обмен (позднее, в виде отсрочки платежа) и натуральный (позднее, товарный и денежный) кредит. Первоначально же в дарообмене трудно выделить обе формы кредита, здесь еще не проводятся и не фиксируются различия между ними. Такое разделение возникает по мере трансформации первобытного общества в раннеклассовое и связано с расширением партнерского обмена и непартнерской торговли и появлением примитивных денег, а также при переходе от взаимопомощи к натуральным кредитам (займам) у зажиточных родственников. Последние все чаще приобретают статус авторитетных неформальных лидеров общины, называемых «бигменами» (большими людьми), а позднее и статус официального вождя племени. Для полного разрыва между дарообменом и более развитой формой кредита требуется только ввести в практику жизни племени четвертую обязанность — платить проценты в форме материальных и нематериальных ценностей, отработки или примитивных денег. Поэтому получение таких кредитов чревато возникновением зависимости и даже долговой кабалы. С их появлением кредитные отношения получают дальнейший импульс к развитию, но они еще очень долгое время формально сохраняют связь с дарообменом.

Например, в конце XIX в. в Хакасии в среде богатых скотоводов (баев) получило широкое распространение ростовщичество в форме кредитного обмена и денежного кредита. Его возникновение произошло в рамках трансформации древнего обычая отдаривания — «харо». Хакасская пословица гласила: «сыйых харолыг» — «подарок имеет отдарок». Постепенно этот обычай отдаривания приобрел иной характер. Проценты, уплачиваемые бедняками, стали также называться «харо». За отданные в долг деньги баи взимали от общей суммы 10–20% «харо». Если в назначенный срок долг не возвращался, то каждый месяц пеня нарастала на 10%, а через год он возрастал вдвое. Процент устанавливался и при кредитном обмене. Характерным примером служит приобретение одним бедняком у бая фунта табака за воз сена в кредит. На второй год долг возрос до двух возов, а

на третий год бедняк обязан был привезти уже три воза сена. Но вместо этого бай забрал у него кобылу с жеребенком.¹⁵

Приведенная классификация форм обмена и подарков, осуществленная Малиновским в соответствии с экономическим принципом эквивалентности, наряду с анализом срочной природы дарообмена Мосса убедительно демонстрирует тот факт, что обмен в его исторически простейших формах дарообмена и торговли представляет собой сложное социально-экономическое явление, которое обладает рядом важных временных и структурных характеристик. Так, объектами сделок могут выступать: тот же самый предмет; такой же по качеству предмет; предмет иного рода. По субъектному составу сделки могут быть двусторонними и трехсторонними (посредническими). С точки зрения эквивалентности сделки имеют различные комбинации относительно сторон-участников. Однако общей тенденцией является установление эквивалентных отношений. Временной аспект выражен регулярным и нерегулярным, одновременным и разновременным встречным движением даров и товаров. Разновременность выступает важнейшим отличительным признаком партнерских отношений и дарообмена и служит условием возникновения особых долговых обязательств, на основе которых возникают кредитные отношения. Кредитный обмен безусловно доминирует в отношениях контрагентов, но постепенно набирают силу натуральный и денежный кредиты.

Теоретический подход к анализу кредитного обмена

Кроме этнографов и антропологов большое внимание исследованию связи кредита и обмена уделяли отечественные и зарубежные экономисты. Так, один из основателей исторической школы немецкий ученый Бруно Гильдебранд (1812–1878) в работе «Политическая экономия настоящего и будущего» (1848) различал в истории хозяйства три последовательные фазы: естественное хозяйство средних веков (под которым понималось натуральное хозяйство), денежное хозяйство и кредитное хозяйство. В основу данной периодизации он положил господствующий способ обмена — товарный, денежный или кредитный.¹⁶ Данная классификация обмена четко указала на связь кредита с обменом и была с определенными оговорками принята многими российскими экономистами.

Профессор Санкт-Петербургского университета Эдмунд Романович Вреден (1835–1891) в 1871 г. выступил с критикой концепции Гильдебранда и указал на тесную связь кредитного и денежного хозяйств. Он отметил, что в рамках последнего кредит «основывается всегда на действительной купле или продаже, он приводит их лишь в особую форму, причем никогда совершенно заменить не может. Поэтому нет оснований считать кредитное хозяйство самостоятельной формой хозяйственного быта...».¹⁷ Тем самым кредитный обмен, по мнению Вредена, выступает в качестве одной из форм купли-продажи. Другой преподаватель университета Андрей Александрович Исаев (1851–1924) дал более развернутую характеристику обменной природы кредита. Он писал: «По содержанию кредит представляет собой особую форму купли-продажи и мены, причем совершается неодновременный обмен одной ценности на другую».¹⁸ Товарный и денежный кредиты, связанные с передачей благ (например, зерна или денег) с условием возвращения в будущем такого же блага (зерна того же количества и качества или денег), он относил к особым видам кредитных сделок. При этом Исаев подчеркивал, что последняя, денежная форма кредита получила в хозяйственной жизни наибольшее распространение.

Эту позицию разделял его коллега по Санкт-Петербургскому университету Иосиф Михайлович Кулишер (1878–1919), который прямо связал возникновение кредита с развитием обмена в первобытных обществах. Последний, по его мнению, зародился в ре-

зультате расширения дарообмена между отдельными племенами. В результате «получался обмен подарками, взаимный обмен предметами, который затем мог продолжаться и далее. В последнем случае обмен подарками, становясь многократным, приобретал известное постоянство, устанавливался обмен между двумя племенами. Таким путем римляне вступали в обмен с германцами: подарки посылались от имени страны».¹⁹ В этом вопросе, несомненно, просматривается связь взглядов Кулишера с работами профессора Киевского университета Николая Ивановича Зибера (1844–1888), который в работе «Очерки первобытной культуры» (1883) привел многочисленные примеры, показывающие, что широко распространенные в первобытных обществах обычаи гостеприимства, «помочи» и взаимного дарения являются на известных ступенях развития человечества главными факторами передвижения благ из одних хозяйств в другие.

Из анализа развития обмена Кулишер сделал закономерный вывод о том, что, до тех пор пока обмена вообще нет, не существует и той формы обмена, которую называют кредитом. Далее он показал, что кредитный обмен, связанный с куплей-продажей или меной, предшествует появлению кредита в его чистой форме — в форме денег, полученных займы, с обязательством уплатить в известный срок. «И в другом отношении, — писал Кулишер, — он является более поздней формой, чем купля-продажа на наличные. Там, где ссуда имеет место, она должна носить юридическую форму купли-продажи, кредит является “смягченной куплей-продажей на наличные”. Слова “покупать”, “закладывать”, “нанимать” у греков, как и у древних германцев, не различаются резко, переходят одно в другое».²⁰

Позднее концепции петербургских ученых были незаслуженно преданы забвению и вновь обратили на себя внимание лишь в последние годы. Вместе с тем западные ученые-экономисты продолжали изучение простейших форм кредита. Данная тема постоянно возникала в рамках изучения природы и функций денег. Так, в 1971 г. Карл Брюннер и Аллан Мелтцер (Karl Brunner and Allan H. Meltzer) исследовали, как они выразились, «одну из старейших нерешенных проблем монетарной экономики, заключающуюся в объяснении использования и хранения денег».²¹ Решение этой проблемы является центральным пунктом в понимании различий между бартерной и монетарной экономикой. Предлагая свое решение проблемы, Брюннер и Мелтцер выдвинули в качестве теоретической гипотезы возможность существования бартерно-кредитной экономики, в которой товары передаются против обещания встречной поставки в будущем. Наличие такого кредитного обмена позволяет разрешить важнейшую для товаропроизводителей проблему отсутствия синхронизации между моментом получения средств и платежами за товары (*“lack of synchronization of receipts and payments” problem*) без использования денег. Этот оригинальный подход подтвердил право на «теоретическое» существование кредитного обмена в системе экономических категорий.

Позднее Дэниел Торнтон (Daniel L. Thornton) развил концепцию Брюннера и Мелтцера. В предложенной им теории обмена он прямо указал на три возможных метода осуществления обмена: бартер, кредит и деньги. Кредитный обмен, названный им межвременным бартером (*intertemporal barter transaction*), может осуществляться в простой и последовательной формах (*simple and sequential credit transaction*).²² Простой кредит Торнтон определил как передачу товара против обещания встречной поставки в будущем. Последовательный кредит у него представляет собой процедуру обмена товара на формальное долговое обязательство с последующим обменом этого обязательства на товар или другое обязательство. Такое определение последовательного кредита позволяет рассматривать его в качестве *обобщенной модели обмена*, из которой можно получить денеж-

ную форму обмена (деньги как общепризнанная форма обязательства) и последовательный (многосторонний) бартер (*sequential barter transaction*) — обязательство играет роль товара-посредника в бартерной трехсторонней операции. Такой подход, несомненно, заслуживает внимания при исследовании обменной природы кредита.

Формулируя логическую *модель разновременного обмена*, мы также можем предложить его некую формализованную версию: кредитный обмен эквивалентов $T_1 - \dots - T_2$. Меняя в этой формуле составляющие, мы легко можем получить любой вариант прямого кредитования: кредитную мену (бартер), денежный или товарный кредит, коммерческий кредит в виде аванса и предоплаты или рассрочки и отсрочки платежа. Эта модель подтверждает справедливость и, с учетом исторических аргументов, вполне доказывает правильность выбора нами исходной модели и категории «кредитный обмен» в качестве экономической «клеточки» и фиксирующего ее понятия. Следует, однако, сделать одно уточнение. Говоря о кредитном обмене, мы постоянно упоминаем две его разновидности — разновременный прямой товарообмен (мену, или бартер) и коммерческий кредит. Нужно ли отдать предпочтение одному из них, помня о том, что исходная абстракция должна быть простейшим конкретным элементом развитого целого — кредитно-финансовой системы? Думается, что нельзя разрывать обе формы кредитного обмена. Основанием для такого утверждения являются не только выводы теоретического и исторического анализа, но и аргументы практического характера.

Современные формы прямого кредитного обмена

В современных условиях достаточно широко используется такой вид обменных операций, как *бартерная сделка* — безденежный сбалансированный прямой обмен товарами, основанный на их денежной оценке. Денежная оценка товаров производится с целью создания условий для эквивалентности обмена, а также для целей налогообложения и определения сумм претензий. Как показала российская практика середины 90-х годов XX в., очень часто сроки передачи обмениваемых товаров не совпадают, что приводит к возникновению долгового обязательства, которое следует рассматривать как кредитное по своей природе.

В качестве еще одной современной разновидности прямого товарообмена можно назвать активно используемую в международной практике *встречную торговлю* (*countertrade*). Эта форма представляет собой внешнеторговую операцию, условия которой предусматривают встречные обязательства экспортеров закупить у импортеров товары на часть или полную стоимость экспортируемых товаров. Основными видами встречной торговли являются бартерные сделки и компенсационные соглашения. Среди встречных сделок следует выделить те, которые имеют явно выраженный кредитный характер. Прежде всего к таким сделкам относятся поставки в рамках сотрудничества на компенсационной основе, получившие в международной практике название сделок «бай-бэк» (*buy-back*). Схема таких сделок предусматривает погашение коммерческого кредита, предоставленного стороной, поставляющей иностранному партнеру технологическое оборудование, материалы, которая оказывает также инженеринговые и строительные услуги для сооружения определенного объекта, поставками товаров, выпущенных на этом оборудовании, или за счет денежной выручки от встречных поставок продукции. К этому виду встречных поставок можно также отнести контракты на переработку давальческого сырья, согласно которым переработка сырья, добытого в одной стране, ведется на производственных мощностях другой страны с оплатой стоимости переработки и транспортировки дополнительными поставками сырья или продуктами его переработки.

Все эти формы торговли или товарообмена объективно связаны с возникновением кредитных отношений, тесно переплетенных с коммерческими, и образуют с ними определенное неразрывное единство, которое с экономической точки зрения следует трактовать как самостоятельный вид международного кредита. По своему экономическому содержанию он представляет собой простейшую форму кредита — кредитную мену (бартер). По форме же это очень сложно организованная схема движения ценностей и многостороннего взаимодействия контрагентов в рамках международного разделения труда.

-
- ¹ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 680.
² Философия науки и техники: Учеб. пособие / В. С. Степин, В.А. Горохов, М.А. Розов. М., 1995. С. 183.
³ Швырев В.С. Теория // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 678.
⁴ История и методология науки: Феномен специализированного познания: Учеб. пособие / Под ред. Б. И. Липского. СПб., 2004. С. 394–395.
⁵ Философия науки и техники: Учеб. пособие. С. 184.
⁶ Швырев В.С. Указ. соч. С. 678.
⁷ Подкорытов Г. А. О природе научного метода. Л., 1988. С. 153.
⁸ Рузавин Г. И. Методология научного исследования: Учеб. пособие. М., 1999. С. 225.
⁹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е доп. изд. М., 1984. С. 247.
¹⁰ Там же. С. 251.
¹¹ Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. М., 2004. С. 186–201.
¹² Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. М., 1996. С. 217–222.
¹³ Цит. по: Там же. С. 138.
¹⁴ Там же. С. 140.
¹⁵ Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX–начале XX в. Абакан, 2002. С. 125.
¹⁶ Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860. С. 230.
¹⁷ Вреден Э. Финансовый кредит. Исследование оснований, существа нормальной области действия, границ, видов и форм общественной займовой системы. Ч. I. СПб., 1871. С. 141.
¹⁸ Исаев А. А. Начала политической экономии. 6-е перераб. изд. СПб., 1905. С. 480.
¹⁹ Кулишер И. М. Политическая экономия. Популярный курс: 2-е исправ. изд. СПб., 1914. С. 124.
²⁰ Там же. С. 165–166.
²¹ Brunner K., Meltzer A. H. The Uses of Money: Money in the Theory of an Exchange Economy // The American Economic Review, 1971. Vol. 61. N 5. P. 785.
²² Thorntorn D. L. Money in a Theory of Exchange // Federal Reserve Bank of St. Luis. Review. January/February 2000. P. 45.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2006 г.